

УДК 930.2:271.2

О.Н. Бахтина

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ АРХЕОГРАФИЧЕСКОГО ПОИСКА В ТОМСКОМ РЕГИОНЕ
(ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОГРАФИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ 1985–2010 гг.)***

Подводятся итоги археографических исследований в Томском университете в течение четверти века и намечаются перспективы дальнейшей работы. Основным методологическим принципом в сборе и анализе археографического материала в томском регионе стал системный подход, позволяющий выявить связи между кириллической Книгой и Человеком, ее сохраняющим и читающим. Рассмотрение жизни Книги в современном социокультурном пространстве является важнейшей перспективой дальнейшей работы.

Ключевые слова: археография, старообрядчество, кириллическая книжность, социокультурный контекст, системный подход.

Археографические исследования Томского государственного университета, насчитывающие более четверти века, позволяют и обязывают критически оценить пройденный путь и подумать о научных перспективах. Начавшееся силами студентов и преподавателей гуманитарных факультетов и сотрудников Научной библиотеки в 1985 г. обследование районов компактного проживания старообрядцев заставило обратиться к опыту археографических центров Москвы, Ленинграда, Новосибирска, Свердловска. В частности, сформулированное ими требование изучать кириллическую старопечатную и рукописную книгу в естественной среде бытования [1, 2] выступило методической основой археографической работы и в томском регионе. Вместе с тем приступая к поисковой работе в 80-е гг. XX в., томские исследователи понимали, что наступает в чем-то новый этап в развитии полевой археографии. С одной стороны, на глазах уменьшалась угроза физической гибели книг, имеющих научную и культурную ценность от рук чиновников «от идеологии» и случайных хранителей. Кириллические книги все чаще становились предметом меркантильного интереса, их стали сдавать в букинистические магазины, приносить в отделы редких книг вузовских и академических библиотек. С другой стороны, становилось все более очевидным, что запас уникальных книжных памятников даже в старообрядческой среде не безграничен и многие уже получили «прописку» в государственных хранилищах, следовательно, этап «собираения» заканчивался. Возникал вопрос о многообразных связях старообрядческих сообществ, существовавших и еще существующих в разных районах страны, и тер-

риториальных книжных собраниях, сложившихся в ходе экспедиционных работ и закупок у населения [3. С. 5–19; 4. С. 17–32]. Установление и правильное понимание этих связей должно было стать в дальнейшем основанием для создания функциональной модели, объясняющей взаимодействие Книги и Человека определенной, в данном случае старообрядческой, культуры.

Как известно, при изучении любого явления сначала мы пользуемся средствами и уже выработанными методами до тех пор, пока они «дают знания, хорошо согласующиеся между собой и отвечающие поставленным задачам... Иное положение складывается, когда встают задачи, не разрешимые старыми средствами и методами, или когда появляются новые объекты, к которым старые средства не могут быть приложены» [5. С. 5].

Изменившаяся в научном и социальном плане ситуация естественным образом поставила перед тогда еще молодой томской археографией вопрос о разработке собственной методики сбора и интерпретации полевых материалов, отвечающей особенностям данного конкретного региона – пусть во фрагментарном виде, но все же сохраняющем достаточно разнообразную палитру старообрядческих согласий и толков. Акцент был сделан на изучение социокультурного контекста, в котором бытует древний и создается новый кириллический текст, что позволило бы увидеть его роль в среде русских переселенцев в Сибири. Особую важность в данном случае приобретала «археографическая легенда» (термин С.Н. Валка [6. С. 298–312]) – сумма сведений о создателях текста, его владельцах. Это позволяло, во-первых, локализовать памятник, определить его место –

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 10-04-00087а

«физическое» и «культурное»; во-вторых, зафиксировать информацию о хранителях и пользователях кириллической книжности в регионе как зримом проявлении взаимодействия Человека с Книгой. Уже первые археографические экспедиции засвидетельствовали эту глубокую внутреннюю неразрывную связь древней кириллической Книги с Человеком, ее читающим, переписывающим, хранящим, и таким человеком был, прежде всего, человек, близкий старообрядческой культуре, либо по происхождению и воспитанию, либо по религиозным убеждениям. Таким образом, акцент делался на реконструкции системы взаимообусловленных отношений: Книга – Человек – Среда, что потребовало системного подхода к сбору археографического материала и его осмыслению. Системный подход стал в равной мере и методом решения организационных задач по выявлению книжных памятников в регионе, и способом их правильной постановки.

Еще только начиная археографическое обследование территории, сотрудники ТГУ предполагали создание на основе ГИС-технологий археографического атласа Томского региона [7. С. 54–62], который обеспечивал бы современный (в том числе системный) уровень научной обработки археографического материала и делал его доступным для исследователей-аналитиков и ученых-практиков, популяризаторов науки, помогал бы наладить учет книжных ценностей, хранящихся у населения, в том числе отслеживать их незаконную продажу. Учитывая описательный характер документации полевых экспедиций, необходимо было решать вопрос о систематизации и формализации полученных материалов. Например, нас интересовала система расселения старообрядцев в археографически «ценном» районе по типам: города, села, заимки, скиты. Эти объекты могли быть жилыми, нежилыми, полностью исчезнувшими. Но такой материал обязательно фиксировался в дневниках, брались данные из архивов районных землеустроительных отделов, использовались социальные паспорта районов, составлялись таблицы старожилов, списки голосовавших и неголосовавших, таким образом, возникала характеристика состава населения по вероисповеданию, по социальному статусу, по времени проживания в данной местности, записывались топонимические легенды и устные истории населенных пунктов и таежных поселений, очень важными оказывались свидетельства не-старообрядцев, живших по соседству и наблюдавших жизнь общин со стороны, и т.д. Все это расширяло понятие среды бытования кириллических книг, возникал социокультурный

контекст существования кириллического текста в прошлом и настоящем, формировался социальный заказ современного общества на археографические изыскания.

Так, еще в 1985 г., после первых разведочных экспедиций в районы Томской области, осуществленных по инициативе и при поддержке ректора ТГУ того времени Ю.С. Макушкина, был организован Научный координационный совет по археографической работе на территории Томской области, в который входили: Ю.С. Макушкин (председатель), О.Н. Бахтина, Г.И. Колосова, А.Н. Жеравина, Т.И. Кудинова, Н.А. Вышлова, Ф.И. Литвиненко, З.И. Салопова. Протокол № 1, сохранившийся в архиве ОРК НБ ТГУ, датирован 4 ноября 1985 г. Совет разработал Положение, проводил совещания, рассылал письма, привлекая внимание к книжному культурному наследию руководителей, казалось бы, сторонних организаций, таких, например, как объединение Томлеспром, Управление охотничьего хозяйства, Управление лесного хозяйства. Археографы работали в тесном контакте с Управлением культуры, с уполномоченным по делам религии Томского облисполкома Г.П. Добрыниным, с заместителями председателей райисполкомов, с секретарями по идеологии райкомов партии, зам. начальника УВД по территории Томской области. Сохранившиеся протоколы заседаний свидетельствуют о заинтересованном отношении людей к сохранению книжных памятников, бытовавших и бытующих на томской земле.

Создание археографического атласа было напрямую связано с направлением «гуманитарной географии», которое сегодня позиционируется как междисциплинарная область и объединяет в себе культурное ландшафтоведение, образную географию, когнитивную географию, мифогеографию, сакральную географию. Картографирование социокультурной истории региона (в том числе и наличие археографических ценностей), на наш взгляд, позволяет донести до потомков знание духовного культурного наследия России и родного края, малой родины, и дает возможность правильно строить воспитательный процесс укоренения человека в родной культуре, формирования его региональной идентичности. То есть оказалось особенно важно зафиксировать факт бытования кириллической Книги в жизни человека нашего времени и попытаться объяснить стабильность старообрядческой культуры, ее поразительную способность к выживанию, адаптации к любым историческим условиям. Сегодня очевидно, что старověрие смогло сохранять и сохранить смысловое, бытийное ядро национальной культуры только при

условии продолжения активной традиции чтения и переписывания кириллической книжности.

Материал полевых исследований 1985–1886 гг. подтвердил имеющиеся сведения о двух миграционных потоках русского старообрядческого населения в Томскую область: «пермско-уральском» и «алтайском». Наши полевые дневники отразили не только добровольные и вынужденные переселения собственно семейных кланов староверов, но и вывоз сюда книг – ситуацию, описанную еще Д.С. Лихачевым в известной статье об археографическом открытии Сибири [8. С. 3–7].

Первые экспедиции проходили в Бакcharском районе области. Следующими районами обследования стали Парабельский район, куда по рекам двигались старообрядцы в поисках уединенного места проживания и куда, соответственно, мигрировали книги, и Асиновско-Кривошеинский «куст». Так возник некоторый пространственный «треугольник», внутри которого продолжалась активная жизнь кириллической книги и в XX в.

Применение системного подхода к изучению старообрядческой культуры вообще и отдельных

направлений староверия давало возможность рассматривать ее как «определенный тип кодирования культурно значимой информации». Как справедливо писала Е.Е. Дугчак, «именно реконструкция культурных кодов каждого из направлений староверия позволит представить историю согласия как некоторую культурную систему» [9], что дает возможность проследить и понять способы сохранения и трансляции этой культуры во времени и пространстве. Это, в свою очередь, потребовало изучения: 1) повседневной жизни старообрядческих общин, осознающих себя как «избранных и призванных», «остальцев» истинной веры; 2) реконструкцию их богословских и эсхатологических концепций через созданную ими «идеальную историю» своего согласия, интерпретации Св. Писания и Св. Предания; 3) социальных взаимодействий: обрядов и таинств, обучения и воспитания молодого поколения, полемических диспутов, санкционирование допустимых нарушений в одежде, пище, использовании технических средств и т.д. Все это в той или иной форме присутствовало в опросниках, по которым работали «в поле» участники экспедиций [10. С. 293–298].

Рис. 1. Повседневный костюм и одежда для моления старообрядки-скитницы

Таким образом, в ходе систематизации и осмысления конкретного археографического материала томского региона, кроме общей системы жизни сибирского старообрядчества, была предложена работа с целым рядом подсистем, позволяющих детальнее проработать связи кириллической книги с другими элементами, составляющими культуру староверия в целом.

При этом оказалось необходимым учесть еще один важный момент: во время экспедиций происходит своего рода «встреча двух разных культур» [11]. Студенты и сотрудники университета были представителями светской, подчас глубоко атеистической познавательной культуры, воспитанные в иной книжной традиции. (Для справки: за период проведения археографических экспеди-

Рис. 2. Процесс чтения

Принципиальным моментом в работе Томской археографической экспедиции было продолжение установившихся контактов и после того, как экспедиции завершались. Была переписка, встречи в городе, взаимные подарки, а главное, в результате возникшего доверительного общения, появлялась возможность получать книги «на поддержку» и, таким образом, тщательнее проработать полученный археографический материал. Мы могли скопировать рукопись на фотопленку или сделать ксерокс, изучить записи на полях и форзацах и пр., что экспедиционные условия сделать не позволяли. Так возникала ситуация «непрерывной экспедиции».

ций в «поле» побывало более 50 человек студентов исторического и филологического факультетов, многие ездили несколько раз, некоторые практически весь период обучения в ТГУ в качестве студентов, а затем и аспирантов). Полевые дневники с их подчас подробным описанием встречи со старообрядцами, с религиозной Книгой дают интересный материал о том, как современный молодой человек воспринимает и понимает эту культуру. Приведем пример записи из полевого дневника: студент-историк отмечает свое впечатление о знакомстве со старообрядкой: «Не понравилась, очень скрытная, быстро выставила за дверь» [12. Л. 29]. Другой пример: «Когда приеха-

ли, Василиса Антоновна спросила бабу Тасю: «Свои?» На что баба Тася ответила: «Нет, из Томска, студенты» [13. Л. 6]. А вот следующий приезд описан иначе: «Прибыли в Пчелку. Бабушки встретили хорошо, были рады...принимали как родных ...когда приезжал старец Варфаломей, то баба Тася рассказала ему о нас. Но он сказал, что нечего с нами разговаривать и (не надо) рассказывать нам что-либо... Баба Аня против этого: «Мы умрем, но другие люди хоть продолжают веру». Этот старец... ненормальный какой-то, наверное», – делает вывод студентка [13. Л. 15]. Примеры можно продолжить. Показательно стремление студентов проникнуть в другую культуру, «почувствовать себя в ней». Об этом свидетельствуют и примерка старообрядческого традиционного костюма (рис. 1), и внимательное вслушивание в чтение и толкование конфессионального текста,

9; 16. С. 298–320]. В целом в ходе экспедиционных работ в регионе была сделана установка на диалогическую ситуацию понимания, а не противостояние («свой» – «чужой» или «респондент» – «исследователь»), которое во многом обесценивает полученные материалы.

Наиболее удачный вариант археографической работы, на наш взгляд, – постепенное вхождение исследователя в изучаемую среду, которое ставит своей целью не изъятие книги, а ее изучение в «живом» пользовании. Примерами реализации этой исследовательской стратегии стали успешные защиты докторских диссертаций О.Н. Бахтиной [17], Е.Е. Дутчак [18], А.П. Веселовой [19], а также более 50 дипломных и курсовых работ.

Они показали, что принцип археографической работы, изначально сложившийся в томской экс-

Рис. 3. Встреча двух культур

отраженного фотоархивом экспедиции (рис. 2). Но при анализе полевых записей оказалось важным учитывать степень погрешности в представлении информации об изучаемом факте и объекте в целом, которая возникает из-за «вмешательства в эксперимент» исследователя [14. С. 5–6; 15. С. 7–

педиции, – изучать кириллическую книгу в «естественной среде обитания» как можно дольше, дает серьезные научные результаты, поскольку позволяет увидеть за судьбой кириллической книги – судьбу ее читателя, хранителя или создателя. Таким образом, археография как описание древних

памятников становится социальной или, иными словами, очеловеченной.

Исследования староверия в регионе продолжают. В целом современную исследовательскую ситуацию образно отразила одна из фотографий, сделанная в ходе экспедиции, на которой изображены девушка-студентка и старообрядка, они стоят на фоне скитских построек и иномарки. Знаковым становятся не только присутствие машины в скитах, но и белые платочки на головах беседующих (рис. 3). Видимо, можно считать, что в данном случае платочек выступает как уважение к русской традиции.

Ярким примером проявления механизма «культурной памяти» является сегодняшний объект изучения археографов ТГУ – Томская коллекция берестяных рукописей, входящая в состав еще одной скитской библиотеки, которой владела община-изолят, сформировавшаяся в 1920–1930-е гг. в ходе крестьянских миграций в Нарымский край. [20. С. 110–121]. По имеющимся к настоящему времени данным, в бассейне р. Кеть проживало более 10 семейных кланов: Бочкаревых, Коноваловых, Хохловых, Воробьевых, Пастуховых, Тиуновых. В условиях тайги поселенцы сумели сохранить крестьянский образ жизни и свою конфессиональную принадлежность. «Крестились в семье двумя перстами, денег не брали, жили без паспортов, вели свое летоисчисление», – свидетельствует запись в полевых дневниках [21. Л. 15–16]. Томская коллекция рукописей на бересте делится на группы и по внешним признакам, и по функциям: к первой можно отнести тетради из бересты, сшитые нитками, некоторые имеют обложку из более плотной бересты. В этой группе – четыре текста: выписки из Пролога, «Житие Авраамия Ростовского» в первой редакции, «Житие Иоанна Златоуста и др. Вторая группа представлена отдельными листками из бересты. Здесь встречаются тексты малого формата: отрывки из Евангелий, канона, устава, рождественского богослужения, месяцеслова, лунный календарь и др. Небольшие размеры текстов этой группы делают обоснованным предположение Л.Н. Приль о том, что они использовались в то время, когда жители «поместий» оказывались вне дома: ловили рыбу, собирали ягоду и т.д. [22] Третья группа представлена хозяйственными записями, рисунками, письмами и записками личного характера. Особый интерес представляют дневниковые записи таежных насельников. События 1923–1929 гг. отражены в «Островном летописце». Своего рода продолжением «местной летописи» является «Книга Пасхальная», написанная на бересте Натальей Конова-

ловой в 1956–1975 гг. Важно подчеркнуть, что в этих бытовых по характеру текстах просматривается сохранение не только древнерусского летописного повествовательного канона, но и принципов оформления кириллического текста. Так, «Книга Пасхальная» содержит заставки и концовки, а сама пишется по правилам церковнославянской орфографии и каллиграфии и, как установлено Г.Н. Стариковой, с четким разделением сфер: конфессиональное содержание в ней оформляется полууставом, а личное, интимное – гражданской скорописью [23].

Этот факт становится особо значимым в ситуации обостренного интереса к пониманию азбуки как культурного кода той или иной культуры. Вновь появившиеся в последнее время разного достоинства работы о сакральной природе кириллицы, о ее тайнописи по аналогии с исследованиями образной природы китайской иероглифической письменности позволяют поставить вопрос о том, почему старообрядцы и в XXI веке остаются верны полууставу при написании священного текста.

Всестороннее исследование Томской коллекции рукописей на бересте позволило приблизиться к пониманию форм и механизмов существования культурной памяти православия в условиях добровольной или вынужденной изоляции социальной группы от православного мира. Русский человек, перечитывая и переписывая кириллические книги, в том числе и на бересте, сохранял конфессиональный текст, где были зафиксированы жизненно важные для него смыслы, а затем, апеллируя к этому тексту, он пытался упорядочить свою жизнь в любых условиях. Именно конфессиональный текст позволял провести границу с иноверным миром и выстроить собственную этноконфессиональную идентичность. В специальной статье об идентичности и самоидентификации С.Е. Никитина пишет о двух основных видах идентификаторов: внешние (видимые, слышимые, осязаемые) знаки и внутренние ментальные образования, обычно скрытые от «чужих» [24. С. 69]. Представляется, что наличие в доме у старообрядца кириллических книг, объемных кодексов всегда и всем позволяло идентифицировать его со сторонниками «старой веры». Таким образом, Книга становилась внешним знаком этой культуры, как и «платье, язык, жилище». Можно привести запись из воспоминаний охотника Рассомахина, побывавшего в доме Ф.И. Коновалова: «Пятистенный срубленный дом «покраской». В доме была русская печь и своего рода камин, служивший для освещения комнаты. Дом состоял из прихожей, большой комнаты и мельницы... Обычай у них был, как у всех кержаков,

для гостей отдельная посуда. Гостям варили отдельно с солью, которую давали промысловики. Себе же готовили без нее, пекли хлеб, варили кашу, заправляли ее кедровым маслом, из овощей делали патоку...». Охотника поразило большое количество книг и крестов: «все было в крестах» [21. Л. 16]. Но с другой стороны, как пишет С.Е. Никитина, со ссылкой на Р. Барта, «внутренние ментальные образования, представляющие «фундаментальные ценностные ориентации», для того, чтобы стать понятными в общении со «своими», а также для объяснения «чужим» или «другим», должны быть выражены словами» [24. С. 69]. Эти слова для старообрядца, конечно, прежде всего зафиксированы в кириллическом тексте. Несомненно, кириллический конфессиональный текст является главным идентификатором в старообрядческой культуре, особенно если речь идет об адаптации и выживании в чужой природно-культурной среде.

Соответствующий ракурс исследования позволяет вывести изучение кириллической (конфессиональной) книжности (рукописной и старопечатной) за материальные рамки отдельно взятого раритета и увидеть в ней специфическую онтологическую традицию, объединяющую жизнь Книги, Социума и конкретного Человека [25, 26].

Таким человеком может быть не только верующий старообрядец, но и ученый-археограф, хранитель отдела редких книг, продавец антиквариата, человек, обладающий культурной памятью, и т.д. На наш взгляд, сегодня стоит задача изучать социальные и дискурсивные практики и создателей, и хранителей, и читателей, и исследователей кириллических текстов, и таким образом определять их непосредственное участие в формировании жизненной «среды обитания» книжного памятника (в том числе «среды» музеев и библиотек).

Такой подход, на наш взгляд, позволит приступить к достижению главной цели – реконструкции социальной «книжной» практики – выяснению системы ценностей и институтов, определяющих повседневные поведенческие модели человека и группы, что в перспективе позволит говорить о многофакторной модели анализа процессов, происходящих сегодня в сообществе носителей старообрядческой культуры.

Рассмотрение жизненного уклада, поведенческих стратегий староверов в контексте разрабатываемого в настоящее время при непосредственном участии томских археографов направления «социальной археографии» через выявление нормативно-институционального образца (фиксируемого авторитетным книжным текстом) задаст основания для описания (синхронного и диахронного) и анализа

(функционального, структурно-типологического) устойчивых и подвижных форм этой конфессиональной культуры [27]. Важно отметить, что сегодня эта исследовательская установка уже нашла поддержку в среде отечественных и зарубежных исследователей старообрядческой книжности [28. С. 611; 29. С. 27–28; 30. С. 47–46].

Представляется, что в настоящее время изучение старообрядчества и как феномена русской культуры, и как специфической социальной реальности, исследование отдельных согласий и толков необходимо дополнить системным анализом. Изучение староверия как особой системы, имеющей свою «историю» событий, идей, социальных практик, в динамической структуре современного социокультурного пространства позволит выявить значительный духовный потенциал русской национальной культуры в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дергачева-Скоп Е.И., Покровский Н.Н.* Задачи археографического изучения Сибири // Пути изучения древнерусской литературы и письменности. Л., 1970.
2. *Поздеева И.В.* Задачи и особенности работы экспедиций, собирающих памятники кириллической книжности // Археографический ежегодник за 1977 год. М., 1978.
3. *Амосов А.А., Бударгин В.П., Морозов В.В., Пихоя Р.Г.* О некоторых проблемах полевой археографии (в порядке обсуждения) // Общественно-политическая жизнь дореволюционного Урала. Свердловск, 1983.
4. *Поздеева И.В.* Полевая археография: некоторые проблемы практики и теории // Вопросы истории. 1986. № 7.
5. *Щедровицкий Г.П.* Проблемы методологии системного исследования. М.: Знание, 1964.
6. *Валк С.Н.* Археографическая легенда // Избранные труды по археографии. Научное наследие. СПб., 1991.
7. *Бахтина О.Н., Носков А.В., Хасанов В.Я.* Концепция создания компьютерного археографического атласа Томской области // Археографический ежегодник за 1998 год. М., 1999.
8. *Лихачев Д.С.* Археографическое открытие Сибири // Покровский Н.Н. Путешествие за редкими книгами. М., 1984.
9. *Дутчак Е.Е.* Системный подход в изучении старообрядчества // Историческая наука на рубеже веков. Томск, 1999.
10. *Бахтина О.Н., Дутчак Е.Е.* От «книги читаемой» к «человеку читающему»: из опыта работы археографической экспедиции Томского университета (1986–2006) // Традиционная книга и культура позднего русского средневековья. Ч. 2: История, книжность и культура русского старообрядчества. Ярославль, 2008.
11. *Гирц К.* Интерпретация культур. М., 2004.
12. *Бакчарский район* // Научная библиотека Томского государственного университета. Отдел книжных памятников и рукописей. Архив археографической экспедиции (далее – НБ ТГУ. ОРКП. ААЭ). Тетр. XV.
13. *Бакчарский район* // НБ ТГУ. ОРКП. ААЭ. Тетр. XVIII.
14. *Никитина С.Е.* О «нас» и о «них» (к теме «собираетел – информант/исполнитель») // Живая старина. 2001. № 1.
15. *Панченко А.А.* Инквизиторы как антропологи, антропологи как инквизиторы // Живая старина. 2001. № 1.

16. *Шемякина О.Д.* Противоречия российского модерн-проекта и традиционная культура. Историческое наследие и современный контекст // Диалог со временем. М., 2010. Вып. 33.
17. *Бахтина О.Н.* Проблемы поэтики старообрядческой литературы (агиографические тексты): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2000.
18. *Дутчак Е.Е.* Старообрядческие таежные монастыри: условия сохранения и воспроизводства социокультурной традиции (вторая половина XIX – начала XXI вв.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2008.
19. *Веселова А.П.* Семья в старообрядческой культуре: опыт исторического исследования: дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2007.
20. *Бахтина О.Н., Дутчак Е.Е., Старикова Г.Н.* Берестяные книги в фонде редких книг Томского краеведческого музея // Провинция в русской культуре. II Ремезовские чтения. Новосибирск, 2008.
21. *Колташево* // НБ ТГУ. ОРКП. ААЭ. Тетр. I.
22. *Приль Л.Н.* Старообрядческие общины Прикетья и Причулымья в XIX – 80-х гг. XX в. (Опыт реконструкции жизнедеятельности): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2002.
23. *Старикова Г.Н.* «Женские записки» старообрядческой коллекции: к проблеме единства содержания и формы текста // Вестник Новосибирского государственного университета. 2011. № 3. С. 47–52.
24. *Никитина С.Е.* Об идентичности, самоидентификации и идентификаторах в конфессиональных культурах (на материале современного старообрядчества) // Старообрядчество: история, культура, современность. М., 2011.
25. *Базаров А.А., Бахтина О.Н., Дутчак Е.Е.* Роль священной книги в традиционных культурах Сибири («социальная археография») // Проблемы сибирской ментальности. СПб, 2004. С. 147–164.
26. *Бахтина О.Н., Керов В.В., Дутчак Е.Е.* «Егда чем, Господь к нам беседует»: к вопросу об институционализации социальной археографии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России». 2006. № 2 (6). С. 73–85.
27. *Бахтина О.Н., Керов В.В., Дутчак Е.Е.* «Социальная археография» как современная научная и образовательная стратегия // Регионы России для устойчивого развития: образование и культура народов Российской Федерации. Новосибирск, 2010. С. 273–281.
28. *Градобойнова Е.В.* Роль кириллических печатных изданий в формировании мировоззрения старообрядцев-беспоповцев // Язык, книга и традиционная культура позднего русского средневековья в жизни своего времени, в науке, музейной и библиотечной работе XXI в. М., 2011.
29. *Потехина Е.А.* Проблемы исследования памятников старообрядческой письменности // Язык и текст в системном и социокультурном аспекте. Olstyn, 2011.
30. *Orzechowska J.* Metodologia opisu systemowego zabytku kultu religijnego // Язык и текст в системном и социокультурном аспекте. Olstyn, 2011.